

*Все персонажи
и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Кто ищет бесконечность,
пусть закроет глаза.

Милан Кундера

ГЛАВА 1

ВИЗИТ СТАРОГО ДРУГА

Каждую пятницу, за три часа до обеда, с Даниловского рынка домой возвращались повар Халид и горничная Василина. Водитель еще переносил из машины сумки, а обе горничные, повар и домохозяйка Эмма Леонидовна уже перебирали продукты.

Большую кухню Самаровых заполняли запахи свежих огурцов, речной рыбы, зелени и копченых колбас. Но до того, как попасть в кладовую или распределиться по двум большим холодильникам, каждая банка, упаковка, связка или бутылка подвергалась неукоснительному учету. Эмма Леонидовна садилась за стол и по старинке, в амбарную книгу, записывала наименование продукта, его точный вес и цену.

Домохозяйка была дородной семидесятилетней женщиной с волнистыми волосами, скрученными в архаическую прическу, которую, в свою очередь, скреплял резной полукруглый гребень. Будучи единокровной тетушкой хозяина дома, она считала своим долгом беречь его деньги и никому не позволяла выходить из бюджета.

— Постой, Василина... — Эмма Леонидовна оторвалась от своих записей и подняла глаза на тридцатилетнюю женщину в форменном платье. — Девятьсот рублей за килограмм помидоров, не слишком ли это дорого?

Та вспыхнула и, заглянув в свои записи, уточнила:

— Вы же сами сказали не покупать барахла...

— Впредь дороже шестисот рублей не брать, — велела домоправительница. — Что там еще?

— Вырезка говяжья.

— Какой у нее вес?

Василина переложила алые куски мяса в чашу весов.

— Четыре килограмма сто сорок грамм.

— Цена?

— Тысяча девятьсот за кило.

— Да ты издеваешься надо мной!

— Прошу прощения, уважаемая... — мягко ступая, к столу подошел повар Халид, невысокий щуплый араб с темным лицом. — Я сам просил Василину купить это мясо. К ужину будет ростбиф.

— Дешевле не выходило? — осведомилась Эмма Леонидовна и вписала цену. Не желая ссориться с поваром, она все же сделала замечание: — Ростбиф не засуши, Михаил Иванович любит с кровью.

— Сделаю, как любит хозяин, — ответил повар и вернулся к разделочной доске, на которой лежала большая серебристая рыбина для обеда.

В кухню вошел водитель и поставил на стул корзину с фруктами.

— Эта — последняя.

— Не забудь, что сегодня вечером возвращается Михаил Иванович, — напомнила Эмма Леонидовна.

— Шереметьево, восемнадцать пятьдесят, — подтвердил водитель.

— Встретишь и сразу — домой. Если забудет, напомни, что дома его дожидается друг.

— Так нет же никого, — неуверенно заметила Леся, вторая горничная, одетая в такое же форменное платье, как у Василины.

— Нет, значит, будет... — Эмма Леонидовна взялась за ручку, но, услышав дверной звонок, отложила ее в сторону. Придержав Василину, распорядилась: — Сама откroю. А ты пока фрукты разбери. Вернусь, все запишем.

Она вышла из кухни, спустилась на несколько ступеней и направилась к входной двери. Там взяла трубку домофона и, взглянув на вспыхнувший экран, спросила:

— Кто вы?

Мужчина за дверью склонился к прорези микрофона и внятно произнес:

— Моя фамилия Кречетов. Я — к Самарову.

Эмма Леонидовна повесила трубку и, отомкнув замок, сдвинула хромированную щеколду. Открыла дверь, окинула взглядом рослого мужчину в мокром плаще:

— Михаил предупредил о вашем приезде.

Кречетов переступил порог и представился:

— Максим Данилович.

— Я — Эмма Леонидовна, тетушка вашего друга.

— Где же он сам? — Кречетов заглянул в глубь прихожей и пошарил по ней взглядом, потом стянул с себя плащ: — Куда бы его пристроить? С парковками в Москве просто беда, пока шел от машины до подъезда, хлынул ливень, и я вымок до нитки.

— Давайте его сюда, — Эмма Леонидовна забрала плащ и заметила: — Михаил в отъезде, вернется домой к ужину.

Хмыкнув, Кречетов потянулся к плащу:

— Что ж он так... Мы ведь договорились.

Эмма Леонидовна отстранилась и решительно повторила:

— Михаил скоро будет.

Кречетов посмотрел на часы.

— Сейчас полдень, до ужина — шесть или семь часов. У меня нет времени ждать.

— Хотите вы этого или нет, но я вас не отпускаю. — Эмма Леонидовна обошла гостя, захлопнула дверь и щелкнула замком.

— Да, ну вы же... — Кречетов улыбнулся. — Вы, верно, шутите.

— Совсем не шучу. Где ваш багаж?

— В машине.

— Дайте ключи, — она протянула руку и раскрыла ладонь. — Водитель перенесет багаж в вашу комнату.

— Не нужно со мной так, — сказал Кречетов. — Я могу рассердиться.

— Сердитесь сколько угодно. Михаил строгонастрого приказал никуда вас не отпускать.

— Мало ли что он приказал. Через час у меня заселение в гостиничный номер. Отдайте плащ!

— Зачем же в гостиницу? Для вас приготовлена комната.

Кречетов шагнул к двери и дернул за ручку, потом усмехнулся и помотал головой:

— Почтенная Эмма Леонидовна, не стану препираться из уважения к вашему возрасту, просто позвоню Михаилу, и он все уладит.

— У вас ничего не выйдет. Михаил сейчас летит в самолете в Уфу. В самом деле, Максим, оставайтесь. Он так вас ждал.

— Не привык никого стеснять, — отрезал Кречетов, но Эмма Леонидовна рассмеялась.

— Об этом не беспокойтесь. В квартире двадцать четыре комнаты на трех этажах. У нас постоянно гостят провинциальные родственники, друзья, знакомые друзей или их дети, приехавшие на учебу в Москву.

— А тут еще я.

— Послушайте, — Эмма Леонидовна тронула его за руку: — Михаил не простит мне, если я вас отпущу. Отдохните, дождитесь его приезда. У нас сегодня на обед стерляжья уха. — Она по-старушечьи, просительно, заглянула ему в лицо: — Пожалуйста, соглашайтесь!

— Вы не оставляете мне выбора. — Кречетов протянул ей ключи: — Машина стоит на Новом Арбате, напротив цветочного магазина.

— Боже мой! Там такие дорогие парковки! — Эмма Леонидовна забрала ключи: — Скажу водите-

лю, чтобы перегнал машину во двор, если не возражаете.

— Не возражаю, — сказал Кречетов и поинтересовался: — Где моя комната?

— Идите за мной.

По витой узорчатой лестнице в стиле модерн они поднялись на третий этаж, прошли через небольшую, в зеленых тонах, гостиную и остановились возле дубовой двери.

— Вот ваша комната, располагайтесь, — сказала Эмма Леонидовна. — Минут через сорок спускайтесь вниз, я покормлю вас обедом.

Кречетов собрался забрать у нее свой плащ, но она упредила:

— Повешу его в сушильную камеру.

— До вечера мне нужно отлучиться, съездить в одно место.

— Через час ваш плащ будет сухим, — заверила Эмма Леонидовна и, распахнув дверь, дождалась, когда гость войдет в комнату, после чего направилась к лестнице.

Закрыв за собой дверь, Кречетов подошел к окну, достал телефон и набрал номер сына. Переждал уведомление, что телефон отключен, и заговорил на автоответчик:

— Сергей, я в Москве. Не могу до тебя дозвониться. Волнуюсь. Перезвони.

Закончив говорить, он обернулся, обвел равнодушным взглядом комнату и сел на кровать. Стиснув ладонями голову, проронил:

— Все будет хорошо.

ГЛАВА 2

ТАМ КТО-ТО ЕСТЬ

При ближайшем рассмотрении квартира Самаровых производила сильное впечатление. Здесь все было дорого и красиво.

Спустившись по лестнице, покрытой голубым ковром с бледными розами, Кречетов из любопытства свернул на второй этаж и попал в большую гостиную, обставленную старинной мебелью.

Посреди залы на сияющем паркете лежал бежевый ковер в коричневых вензелях. На ковре, в окружении дюжины изгибистых стульев, стоял круглый стол. Наружная стена с окнами была задрапирована тюлем и обрамлена золотистыми портьерами. В дальнем углу гостиной сиял глянец рояль, вокруг низкого стола просторным триклинием¹ расположились диваны. Множество старинных предметов загромождало роскошную гостиную, но ее венцом была дворцовая люстра, для которой с избытком хватало высоты потолка.

Удовлетворив любопытство, Кречетов сошел вниз и по запаху еды безошибочно отыскал кухню, но сначала прошел через просторную комнату с круглым столом и застекленными шкапами со столовым серебром и посудой.

В предобеденный час в кухне всю кипела работа. Повар Халид стоял у плиты и мешал кипящее

¹ Древнеримские скамьи для возлежания, расположенные в виде буквы П.

варево в начищенной медной кастрюле. Василина шинковала петрушку, укроп и зеленый лук.

Эмма Леонидовна зачерпнула фарфоровой миской зелень и поставила на обеденный стол перед Кречетовым:

— Покормлю вас на кухне. Мы обедаем позже, а вы с дороги проголодались.

— Так будет лучше, — заметил он.

Халид принес глубокую тарелку с ухой и плоское блюдо с куском стерляди.

— Вот соль, перец, хлеб... Зеленью присыпайте, — сказала Эмма Леонидовна и присела напротив. Как только Кречетов проглотил первую ложку, спросила: — Вкусно?

Он ответил:

— Вполне. Спасибо.

— А по мне, так нужно добавить соли. — Домоправительница обернулась к повару: — Слышишь, Халид?

— Недосол на столе, пересол на спине, — заметил тот.

Домоправительница махнула рукой и переключилась на Кречетова:

— Когда Халид приехал в Москву, говорил только на своей тарабарщине. Ни поручить ничего, ни отругать его не могла. Михаил нанял учителя русского языка, и теперь смотрите, как языком молотит. Выучили на свою голову...

— Ученье — свет, а неученье — тьма, — вставил Халид, разделявая на доске кусок мясной вырезки.

— Разговорился ты что-то, голубчик.

— Уважаемая, вы не распорядились, на сколько персон готовить ужин.

Беззвучно шевеля губами, Эмма Леонидовна стала загибать пальцы на одной, затем на другой руке. Потом, наконец, сказала:

— За столом будет девять человек.

— Много гостей? — спросил Кречетов.

— Четверо, если посчитать вместе с вами. Остальные — члены семьи, — ответила Эмма Леонидовна и уточнила: — Сам Михаил, его дочь от первого брака, племянник, я и жена Михаила Юлия... А вот и она, легка на помине.

На кухню впорхнула девушка лет двадцати пяти. В легком платье она походила на цветущее весеннее деревце. Схватив со стола яблоко, Юлия вгрызлась в него и проговорила с набитым ртом:

— Я ухожу!

— Куда?! — всполошилась Эмма Леонидовна. — Муж вернется, а тебя дома нет.

— До вечера вернусь. С подружками в кафе посидим и сразу — домой. — Заметив Кречетова, Юлия спросила: — У нас новый гость?

— Максим Данилович, старинный друг Михаила, — представила его Эмма Леонидовна.

Кречетов встал и поклонился:

— Приятно познакомиться.

— Странно, что мы с вами до сих пор не встречались, — сказала Юлия.

— Это неудивительно. В последние годы мы с вашим мужем лишь перезванивались.